Город

Автор:

Александр Блок

Город

Александр Александрович Блок

Александр Александрович Блок

Сборник «Город» (1904—1908)

В ОКТЯБРЕ

Открыл окно. Какая хмурая

Столица в октябре!

Забитая лошадка бурая

Гуляет на дворе.

Снежинка легкою пушинкою

Порхает на ветру,

И елка слабенькой вершинкою

Мотает на юру.

Жилось легко, жилось и молодо —

Прошла моя пора.

Вон — мальчик, посинев от холода,

Дрожит среди двора. Всё, всё по старому, бывалому, И будет как всегда: Лошадке и мальчишке малому Не сладки холода. Да и меня без всяких поводов Загнали на чердак. Никто моих не слушал доводов, И вышел мой табак. А всё хочу свободной волею Свободного житья, Хоть нет звезды счастливой более С тех пор, как запил я! Давно звезда в стакан мой канула, — Ужели навсегда?... И вот душа опять воспрянула: Со мной моя звезда! Вот, вот — в глазах плывет манящая, Качается в окне... И жизнь начнется настоящая, И крылья будут мне! И даже всё мое имущество С собою захвачу! Познал, познал свое могущество!...

Вот вскрикнул... и лечу!

Лечу, лечу к мальчишке малому,

Средь вихря и огня...

Всё, всё по старому, бывалому,

Да только — без меня!

Октябрь 1906

ГИМН

В пыльный город небесный кузнец прикатил

Огневой переменчивый диск.

И по улицам — словно бесчисленных пил

Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла

Пыльно-серая мгла,

Луч вонзился в прожженное сердце стекла,

Как игла.

Все испуганно пьяной толпой

Покидают могилы домов...

Вот — всем телом прижат под фабричной трубой

Незнакомый с весельем разгульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич

В унизительной позе греха...

Но небесный кузнец раздувает меха,

И свистит раскаленный, пылающий бич.

Вот — на груде горячих камней

Распростерта не смевшая пасть...

Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей

Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,

Торопливо идущий вперед...

Но и тех, кто безумно обеты дает,

Кто бесстрастные гимны поет,

Настигает гроза!

Всем раскрывшим пред солнцем тоскливую грудь

На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!

Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —

Наши гимны, и песни, и сны — без числа!...

Золотая игла!

Исполинским лучом пораженная мгла!

Опаленным, сметенным, сожженным дотла —

Хвала!

27 августа 1904

КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный

Один, другой и третий год.

Толпою пьяной и нахальной

Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,

И не мертва и не жива,

А люди шепчут неустанно

О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —

Навек забыть, навек уснуть...

Змея легко, неторопливо

Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,

С кругами синими у глаз,

Пришел взглянуть на профиль важный,

На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,

Но, если б гроб твой не был пуст,

Я услыхал бы не однажды

Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.

Я в незапамятных веках

Была царицею в Египте.

Теперь — я воск. Я тлен. Я прах». —

«Царица! Я пленен тобою!

Я был в Египте лишь рабом,

А ныне суждено судьбою

Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,

Что Русь, как Рим, пьяна тобой?

Что я и Цезарь — будем оба

В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.

Но грудь колышется едва

И за прозрачной тканью дышит...

И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.

Теперь исторгну жгучей всех

У пьяного поэта — слезы,

У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

ЛЕГЕНДА

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли? —

Весна плыла высоко в синеве.

На глухую улицу в полночь вышли

Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними следом

Мелькал, неслышный, в луче фонаря.

Он был неведом... одной неведом:

Ей казалось... казалось, близка заря.

Но синей и синее полночь мерцала,

Тая, млея, сгорая полношумной весной.

И одна сказала... «Ты слышишь? — сказала. —

О, как страшно, подруга... быть с тобой».

И была эта девушка в белом... в белом,

А другая — в черном... Твоя ли дочь?

И одна — дрожала слабеньким телом,

А другая — смеялась, бежала в ночь...

Ты слышишь, господи? Сжалься! О, сжалься!

Другая, смеясь, убежала прочь...

И на улице мертвой, пустынной остались...

Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось, близко

Трепетно бродит, чуть белеет заря...

Но синий полог упал так низко

И задернул последний свет фонаря.

Был синий полог. Был сумрак долог.

И ночь прошла мимо них, пьяна.

И когда в траве заблестел осколок,

Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись нити,

И слабые руки схватили нить...

Но уж город, гудя чредою событий,

Где-то там, далеко, начал жить...

Был любовный напиток — в красной пачке кредиток,

И заря испугалась. Но рукою Судьбы

Кто-то городу дал непомерный избыток,

И отравленной пыли полетели столбы.

Подходили соседи и шептались докучно.

Дымно-сизый старик оперся на костыль —

И кругом стало душно... А в полях однозвучно

Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.

В этом огненном смерче обняла она крепче

Пыльно-грязной земли раскаленную печь...

Боже правый! Сделай, чтобы твердь стала легче!

Отврати твой разящий и карающий меч!

И откликнулось небо: среди пыли и давки

Появился архангел с убеленной рукой:

Всем казалось — он вышел из маленькой лавки,

И казалось, что был он — перепачкан мукой...

Но уж твердь разрывало. И земля отдыхала.

Под дождем умолкала песня дальних колес...

И толпа грохотала. И гроза хохотала.

Ангел белую девушку в дом свой унес.

15 апреля 1905

МИТИНГ

Он говорил умно и резко,

И тусклые зрачки

Метали прямо и без блеска

Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры

От многих тысяч глаз,

И он не чувствовал, что скоро

Пробьет последний час.

Его движенья были верны,

И голос был суров,

И борода качалась мерно

В такт запыленных слов.

И серый, как ночные своды,

Он знал всему предел.

Цепями тягостной свободы

Уверенно гремел.

Но те, внизу, не понимали

Ни чисел, ни имен,

И знаком долга и печали

Никто не заклеймен.

И тихий ропот поднял руку,

И дрогнули огни.

Пронесся шум, подобный звуку

Упавшей головни.

Как будто свет из мрака брызнул,

Как будто был намек...

Толпа проснулась. Дико взвизгнул

Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых

Ворвался стон глухой,

И человек упал на плиты

С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня

Убил его в толпе,

И струйка крови, помню ясно,

Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,

И крик еще стоял,

А он уж лег на вечный отдых

У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...

Другие огоньки...

И звонко брякнули у свода

Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,

Как человек лежал,

И как солдат ружье над мертвым

Наперевес держал.

Черты лица бледней казались

От черной бороды,

Солдаты, молча, собирались

И строились в ряды.

И в тишине, внезапно вставшей,

Был светел круг лица,

Был тихий ангел пролетавший,

И радость — без конца.

И были строги и спокойны

Открытые зрачки,

Над ними вытянулись стройно

Блестящие штыки.

Как будто, спрятанный у входа

За черной пастью дул,

Ночным дыханием свободы

Уверенно вздохнул.

10 октября 1905

НА ЧЕРДАКЕ

Что на свете выше

Светлых чердаков?

Вижу трубы, крыши

Дальних кабаков.

Путь туда заказан, И на что — теперь? Вот — я с ней лишь связан... Вот — закрыта дверь... А она не слышит — Слышит — не глядит, Тихая — не дышит, Белая — молчит... Уж не просит кушать... Ветер свищет в щель. Как мне любо слушать Вьюжную свирель! Ветер, снежный север, Давний друг ты мне! Подари ты веер Молодой жене! Подари ей платье Белое, как ты! Нанеси в кровать ей

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandr-blok/gorod

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити